

3. *Dürbeck G.* Stereotype Paradiese : Ozeanismus in der deutschen Südseeliteratur ; 1815–1914 / Gabriele Dürbeck. – Tübingen : Niemeyer, 2007. – 388 S. (Studien und Texte zur Sozialgeschichte der Literatur ; 115).

4. *Folz W.* Im Dämmer des Rimba / Wilhelm Folz. – Breslau : Ferdinand Hirt, 1922. – 112 S.
Надійшла до редколегії 16.02.2015 р.

УДК 821.111. «19»

Т. Н. Денисовой

Е. В. Максютенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**«ВАШИНГТОНСКАЯ ПЛОЩАДЬ»:
«АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИЯ» Г. ДЖЕЙМСА**

Зроблено спробу полемічного прочитання раннього роману Г. Джеймса «Вашингтонська площа». З перебігом часу його будуть оцінювати як один з кращих текстів письменника усупереч стриманому ставленню автора. Спочатку в історії, розказаній Джеймсом, бачили «пастиш з Джейн Остен», пізніше – варіацію теми про героїню, яка стала жертвою не тільки владного батька, а й корисливого поклонника, котрою раніше зацікавилися Річардсон, Бальзак, Готорн. Проте сучасні дослідники потрактовують «Вашингтонську площу» як роман, де проступає майстерність зрілого Джеймса, який уникає однозначних характеристик та концепцій. Незважаючи на відчутні ремінісценції до вікторіанської прози, Джеймс насичує «Вашингтонську площу» американськими реаліями, показує героїню, яка не приймає буденність уготованої їй долі.

Ключові слова: камерний сімейний роман, вікторіанські сюжети та образи, архетип батька, тема любові та влади, американськість, «нова жінка».

Статья содержит попытку полемического прочтения раннего романа Г. Джеймса «Вашингтонская площадь». С течением времени его будут оценивать как один из лучших текстов писателя вопреки сдержанному отношению автора. Поначалу в истории, рассказанной Джеймсом, видели «пастиш из Джейн Остен», позже – вариацию темы о героине, ставшей жертвой не только властного отца, но и расчетливого поклонника, которой прежде заинтересовались Ричардсон, Бальзак, Готорн. Однако современные исследователи истолковывают «Вашингтонскую площадь» как роман, в котором проступает мастерство зрелого Джеймса, избегающего однозначных характеров и концепций. Несмотря на ощутимые реминисценции к викторианской прозе, Джеймс насытит «Вашингтонскую площадь» американскими реалиями, покажет героиню, которая возвысится над обыденностью и не примет заурядность уготованной ей судьбы.

Ключевые слова: камерный семейный роман, викторианские сюжеты и образы, архетип отца, тема любви и власти, американскость, «новая женщина».

The article deals with the polemical interpretation of Henry James' early novel "Washington Square". In the course of time it will be estimated as one of the best texts of the writer despite quite restrained attitude to it by the author. At first the story told by James was seen as "the pastiche from Jane Austen", later on – as the variation of the theme that deals with the heroine who became the victim not only of authoritative father, but of calculating admirer that was before the subject of interest in Richardson, Balzac, Hawthorne. However modern literary critics interpret "Washington Square" as the novel in which there arises the mastery of mature James who avoids the simple characters and concepts. In spite of evident reminiscences to Victorian fiction James fills "Washington

Square” with the details of American reality and shows the heroine that will overcome the commonplace and won’t take the ordinariness of her destiny.

Keywords: domestic novel, Victorian plots and images, the archetype of a father, the theme of love and power, Americanness, “new woman”.

Литературная судьба «Вашингтонской площади» (“Washington Square”, 1880) Г. Джеймса сложится непросто. Автор не останется в стороне от обсуждения романа, проявит сдержанность в его оценке, назовет «незатейливой историей» (“poorish story”), будет сожалеть, что в его писательской практике это, скорее, «неприятный эпизод» (“unhappy accident”). Джеймс спокойно воспримет неоднозначную похвалу У. Хоуэллса, назвавшего «Вашингтонскую площадь» «утонченно провинциальной» (“exquisitely provincial”), и позже он уверит всех, что больше никогда не перечитывал роман. Однако в письме к брату Уильяму все же смягчит тон и признает образ героини Кэтрин Слоупер наиболее удавшимся (“...the only good thing in the story is the girl”) [цит. по: 6, p. 5], [4, p.707–708].

Пройдут годы, произойдет то, чего едва ли ожидал Джеймс. Интерес к «Вашингтонской площади», как и другим его ранним текстам («Европейцы», 1878; «Бостонцы», 1885–1886), с течением времени будет лишь нарастать, даже несмотря на то, что он обошелся с ними сурово, не включил в собрание сочинений 1908 г. В наши дни «американский цикл» Джеймса не только обретет признание ценителей литературы, но и не померкнет в ряду шедевров романиста: «Дейзи Миллер» (1878), «Женский портрет» (1880–1881), «Крылья голубки» (1902). Все же поначалу безыскусный сюжет о героине, обреченной стать жертвой не только тиранической любви отца, но и расчетливого поклонника, чью привязанность питает надежда на наследство, воспринимался многими как одна из вариаций литературного архетипа, который отдельными своими гранями уже был обозначен в опытах предшественников: Ричардсона, Бальзака, Готорна.

Впервые читатель познакомится с «Вашингтонской площадью» в 1880 г. благодаря публикациям в еженедельниках “Cornhill Magazine” и “New Monthly Magazine”. Текст романа несет на себе печать серийной структуры, и полагают, что Джеймс тяготел к распределению материала в автономные блоки, предпочитая повествованию драматическую сцену. Импульсом к созданию «Вашингтонской площади», как известно, станет неприятный опыт из жизни молодой женщины, обманувшейся в избраннике, о чем расскажет Джеймсу актриса Фанни Кембл. Джеймс не просто преобразит расхожий житейский случай в яркую литературную историю, но и покажет женский характер, который неожиданно для всех возвысится над обыденностью и не примет заурядности уготованной судьбы.

Читатели, несомненно, ощущают присутствие в «Вашингтонской площади» мотивов и образов, близких викторианскому роману, обращенному к миру повседневности, где добродетельные герои исполняют свой долг во благо ближнего. Вероятно, ретушь стилизации оттеняет контуры событий и характеров «Вашингтонской площади», но материал и сюжет романа, насыщенные американскими реалиями и красками, не только меняют его звучание, но и преображают форму.

История, о которой поведаст автор «Вашингтонской площади», передает нарастающее отчуждение в отношениях между отцом и дочерью, обладающими сходством натур, людьми достойными, волевыми. Жизнь Остина и Кэтрин Слоупер сложится драматично. Каждый из них пройдет через череду утрат, разочарований. Они дорожат друг другом, но в то же время, будучи людьми цельными и прямодушными, с трудом меняют свои решения. Быть может, возникшее недопонимание отцом поступков дочери приведет к ошибкам каждого. И так как они по-настоящему самостоятельны и щепетильны, не сумеют исчерпывающе объясниться.

Интонация рассказчика элегична, он повествует о прошлом, и многое, что окружало героев, составляло их мир, разрушено, утрачено, бесповоротно изменилось. Однако магия личности персонажей «Вашингтонской площади», не всегда объяснимый рисунок их жизненного пути таит в себе печать единичности опыта, выстраданного, неповторимого, наполненного мгновениями как радости, так и страданий. Образ доктора Слоупера – один

из наиболее значительных в романе, он личность незаурядная, яркая (“...Dr. Sloper had become a local celebrity... he was an observer, even a philosopher, and to be bright was so natural to him...”) [7]. Благодаря знаниям, таланту Слоупер завоеует уважение среди именитых ньюйоркцев. Судьба щедро одарит Слоупера. Его избранницей станет красавица, дочь состоятельных родителей. Вскоре счастье отвернется от Слоупера. Он потеряет жену, сына и отныне его жизнь будет протекать в одиночестве, заботах о дочери, названной в честь матери Кэтрин (“...the little girl was a disappointment..., and though she was not what he had desired, he proposed to himself to make the best of her...”) [7]. Критики по сей день спорят о характере Слоупера. Ему не прощают холодного, снисходительного отношения к младшей Кэтрин, которая хотя и растет здоровой, спокойной девочкой, к сожалению, не унаследует черты своей матери (“...she was a healthy well-grown child, without a trace of her mother’s beauty. She was not ugly; she had simply a plain, dull, gentle countenance. ... no one had ever thought of regarding her as a belle”) [7].

Слоупер относится к женщинам, которые его окружают, сдержанно, иронично (“... he had never been dazzled, indeed, by any feminine characteristics whatever; and though he was to a certain extent what is called a ladies’ doctor, his private opinion of the more complicated sex was not exalted...”) [7]. Он посмеивается над причудами сестры, романтической и восторженной миссис Пенимен, находит забавным вкус Кэтрин, которая отдает предпочтение замысловатым и пышным нарядам. По мнению уже пятидесятилетнего Слоупера, Кэтрин простодушна, у нее обыденные интересы и весьма поверхностное образование (“...Catherine was decidedly not clever; she was not quick with her book, nor, indeed, with anything else...”) [7].

Когда Кэтрин исполнится двадцать лет, она появится на балу у Олмондов и вызовет интерес у самоуверенного молодого человека, желающего прожить жизнь беззаботно и празднично. Он окажет ей знаки внимания, появится в доме на Вашингтон-сквер, станет добиваться руки Кэтрин, не столько оценит ее доброе сердце, открытую натуру, сколько положение в обществе и состояние отца. Слоупер встретится с Морисом Таунзендом и примет решение защитить дочь от расчетливого поклонника. Остином Слоупером движет любовь к Кэтрин, он разгадает намерения Таунзенда и после более близкого знакомства найдет его легковесным. Понимая, что дочь – доверчива и бесхитростна, доктор Слоупер полагает, что имеет право разрушить их отношения.

В «Вашингтонской площади» Джеймс проявит себя как проницательный психолог. Он отметит противоречивость отцовских чувств, испытываемых Слоупером к Кэтрин (“...Dr. Sloper would have liked to be proud of his daughter; but there was nothing to be proud of in poor Catherine. There was nothing, of course, to be ashamed of; but this was not enough for the Doctor, who was a proud man...”) [7]. Несомненно, он оберегает ее, принимает на себя ответственность за ее будущее, но также его привязанность к ней отмечена страданием и недовольством. Кэтрин – заурядна, не блещет умом и не повторила красоту и даровитость своей матери (“...her eye was small and quiet, her features were rather thick, her tresses brown and smooth. A dull, plain girl she was...”) [7].

Размышляя над образом доктора Слоупера, исследователи все же не готовы безоговорочно признать его вину перед дочерью. Он помешает осуществиться ее союзу с Таунзендом, будет внимательно приглядываться к молодому человеку, пытаясь в нем найти достоинства, которые оправдывали бы его в глазах любящих Кэтрин близких. Неумолимостью своих решений Слоупер напоминает характеры властных, излишне самоуверенных отцов. Его настойчиво сравнивают с деспотичным и расчетливым Гранде Бальзака, суровым Джакомо Рапачини из новеллы Готорна, эгоистичным мистером Домби, героями Ибсена. Однако не всегда замечают, что упорство противостояния Слоупера вероломному Таунзенду – следствие испытаний, ошибок, а, быть может, слабости доктора, который оказался бессилем перед роковыми обстоятельствами, потерял сына и жену, не справившись с их недугом.

Истинный ценитель викторианских романов справедливо предполагает, что стихия нравоописания сосредоточится вокруг семейной темы, а любовная интрига (которая, возможно, завершится в случае удачи союзом молодых героев либо, напротив, разбившись о препятствие, разрушит их отношения) выявит черты времени и сделает узнаваемым колорит эпохи. Действие в романе отмечено определенным ритмом. После пролога к «Вашингтонской площади», где основным героем является Остин Слоупер, и рассказчик поведает о счастливых и трагических событиях жизни доктора, ставшего со временем нью-йоркской знаменитостью (“...he was very witty, and he passed in the best society of New York for a man of the world...”) [7], последуют близкие драматургической основе пять развернутых эпизодов, каждый из которых обладает единой эмоциональной тональностью.

Первый из них включает ряд сцен, продолжающих женскую тему в романе. Единственная дочь доктора Слоупера, доверчивая и застенчивая (“...she was shy, uncomfortably, painfully shy...”) [7], не подозревая о скрытых мотивах происходящего, становится объектом демонстративного внимания молодого человека, повидавшего мир. Он справедливо полагает, что неопытная девушка не устоит перед его обаянием, рассчитывает легко завоевать простушку и с помощью удачного брака надеется войти в круг обеспеченных и праздных ньюйоркцев. Наивная Кэтрин воспринимает зародившиеся отношения между нею и Таунзендом романтически. Отец не противостоит обнадеживающим поворотам в жизни дочери, но присущие Остину Слоуперу проницательность и острый ум заставляют его после встречи с Морисом усомниться в намерениях последнего (“...he is not a gentleman...He has not the soul of one. He is extremely insinuating; but it’s a vulgar nature. ... He is a plausible coxcomb...”) [7]. Любовный роман из идиллического измерения женской прозы попадает в мир обыденности и «низких» истин. Линия мужских персонажей конфликтна, исполнена напряжения, Слоупер и Таунзенд никогда не примирятся, а, напротив, будут чувствовать нарастающую враждебность друг к другу (“... your absence of means, of a profession, of visible resources or prospects, places you in a category from which it would be imprudent for me to select a husband for my daughter, who is a weak young woman with a large fortune...”) [7]. Их характеры переводят «Вашингтонскую площадь» в регистр социального романа. Осложняет второй сюжетный эпизод «Вашингтонской площади» решение Слоупера разрушить надежды влюбленных на воссоединение (“...I am not a father in an old-fashioned novel. But I shall strongly urge her to break with you...”) [7].

По сути, любовная история дочери Слоупера и Таунзенда драматически оборвется. Кэтрин готова пойти против воли отца, отважится на жертву во имя любви, но Морис Таунзенд разочарован, возможность обогатиться истаяла, как и заинтересованность в Кэтрин. В последующих главах романа – а это сцены, где произойдет поначалу незаметное, а потом все более очевидное перераспределение ролей героев, – любовная тема отступит, более важными окажутся отношения между отцом и дочерью, которые сохраняют ровное, уважительное общение и более не будут обсуждать нелепые происшествия прошлого, тем более упоминать имя Мориса Таунзенда (“...Catherine had apparently buried the memory of this fruitless episode as deep as if it had terminated by her own choice. We know that she had been deeply and incurably wounded, but the Doctor had no means of knowing it...”) [7]. Внешне поведение персонажей почти не изменится, однако внутренне – они другие, постепенно фигура Кэтрин выдвигается на авансцену событий. Это спокойная, выдержанная молодая женщина, которая ведет себя, казалось бы, не отступая от традиций, но обладает большей свободой, нежели другие характеры (“...now all her experience, all her acquired tranquillity and rigidity, protested...”) [7]. Кэтрин Слоупер находит необходимым поступать согласно своим решениям и желаниям, демонстрируя отнюдь не слабость, но твердость в поступках (“...she had been so humble in her youth that she could now afford to have a little pride... Catherine’s dignity was not aggressive; ... but if you pushed far enough you could find it...”) [7]. Духовное преображение Кэтрин окажется поворотным моментом в движении романа. Несмотря на проницательность доктора, его любовь к дочери, он не стремится

ее понять. Любопытно, что и Слоупер, и его антагонист Морис Таунсенд, ошибаются в оценке характера девушки. Они не замечают в ней яркую личность, полагают, что удел Кэтрин – играть роль «ангела в доме» (“...why doesn't she marry? ... Limited as her intelligence may be, she must understand perfectly well that she is made to do the usual thing...”) [7]. Ни один, ни другой не отваживаются принять ее как независимого, самостоятельного человека, который следует собственному выбору.

Литературные критики находят образ Кэтрин Слоупер одним из наиболее удавшихся Джеймсу, многим она представляется образцовой героиней викторианского романа, перенесенного на американскую почву, где любовная история завершается печально (“ill-fated love story”) [6]. Кэтрин не ищет счастья в браке, а стоически принимает свою судьбу [6; 10]. Читатели напряженно следят за развитием интриги в «Вашингтонской площади» и гадают, сможет ли Кэтрин покинуть отцовский дом на Вашингтон-сквер и избавиться от подавляющей власти Остина Слоупера либо подчинится его воле [10].

«Вашингтонскую площадь» иногда метафорически называют «пастишем из Джейн Остен», а Кэтрин Слоупер сближают с другой Кэтрин из «Нортенгерского аббатства». Обе Кэтрин простодушны, наивны, заблуждаются в восприятии реальности [8; 11]. Однако дочь доктора Слоупера пройдет через сложные житейские испытания, и ее характер переменится (“...nothing could ever ... cure the pain that Morris had inflicted on her, and nothing could ever make her feel towards her father as she felt in her younger years. There was something dead in her life, and her duty was to try and fill the void...”) [7]. В Кэтрин увидят протестный женский образ и найдут сходство с другими персонажами Джеймса: Дейзи Миллер, мадам де Мов, Вереной Таррант, Изабеллой Арчер, Милли Тиль. Полагают, что Кэтрин уготовано сменить амплуа викторианской героини, стать бунтаркой и поставить читателя романа перед неоднозначной проблемой [8].

Когда Кэтрин впервые появляется на страницах романа (а это происходит на балу у Олмондов, где она смущается от излишнего внимания окружающих), девушка скованна, внутренне напряжена. По словам Р. Пойриера, Кэтрин – «дитя, которому еще предстоит появиться на свет» [9, р. 150]. Позже она «провалит» урок, который преподнесет ей жизнь. Надеждам на личное счастье не суждено оправдаться, возлюбленный предаст Кэтрин из-за денег. Слоупер предусмотрительно лишит дочь большого состояния, если она все же отважится на союз с Таунсендом. Доктор как бы предложит ветреному красавцу довольствоваться добродетелями Кэтрин и ее небольшим наследством по линии матери. Таунсенду малообеспеченное будущее покажется непривлекательным и он исчезнет. Кэтрин Слоупер перестрадает, изменит привычки, пересмотрит ценности и примет твердое решение не искать участия у отца. Она отдалится от близких, возведет между собой и ними невидимую стену, ограждающую ее пространство, которое они так и не заметят. Когда стареющий Слоупер попросит дочь об обещании никогда не связывать свою жизнь с овдовевшим и вернувшимся в Нью-Йорк Таунсендом, Кэтрин, внешне сохраняя невозмутимость, вознегодует. Слоуперу не дано разгадать и проявить уважение к натуре дочери. Он не заметил, что перед ним исполненная самоуважения, независимая женщина. Весь жизненный опыт Кэтрин, «...все ее благоприобретенное спокойствие и вся ее невозмутимость восстали. Она была столь смиренна в юности, что теперь могла позволить себе проявить известную гордость, а в просьбе отца... таилось нечто оскорбительное для ее достоинства» [2, с. 345]. После ухода из жизни доктора Слоупера, несмотря на увещевания тетки Лавинии Пенимен, Кэтрин не оспорит завещание, заметив, что оно ей нравится. Лавиния не осознает, что в этот момент Кэтрин обретает возможность отбросить в прошлое все, что искажало ее отношения с отцом, и обрести свободу. Кэтрин также тверда, честна – “square” – по характеру, как и волевой, упрямый и проницательный Остин Слоупер.

Завершающий эпизод из «Вашингтонской площади», а именно бесславный визит Таунсенда в уютный особняк на Вашингтон-сквер, покажет, как разительно переменились герои. Постаревший Таунсенд остался таким же малозначительным и самовлюбленным человеком, он оскорблен холодным тоном Кэтрин. Мисс Слоупер, напротив, спокойна,

уравновешенна и неожиданно для Мориса выглядит незнакомкой, похорошевшей, поновому независимой (“...you have not changed – the years have passed happily for you... They have left no marks; you are admirably young...”) [7].

Библиографические ссылки

1. *Анцыферова О.* Творчество Генри Джеймса: проблема литературной саморефлексии : дис. ... докт. филол. наук : 10.01.03 / О. Анцыферова. – М., 2002. – 400 с.
2. *Джеймс Г.* Вашингтонская площадь / Г. Джеймс // *Европейцы : сборник малой прозы.* – М. : Иностранка, 2013. – с. 181–356.
3. *Нерсесова Е. В.* Категория «национального самосознания» как художественная доминанта романов Генри Джеймса : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. В. Нерсесова. – М., 2008. – 172 с.
4. *A Henry James Encyclopedia* / [contributor: Robert L. Gale]. – N. Y. : Greenwood Press, 1989. – 796 p.
5. *Hoffman Ch.* The Short Novels of Henry James / Ch. Hoffman. – N. Y. : Bookman Associates, 1957. – 146 p.
6. *Huisman M.* Trophies or Treasures: The Burden of Choice for Mothers, Wives, and Daughters in “Washington Square”, “The Portrait of a Lady”, and “The Bostonians” / M. Huisman. *Electronic Theses and Dissertations.* – East Tennessee State University, 2007. – 69 p.
7. *James H.* Washington Square / H. James. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/2870/2870-h/2870-h.htm>
8. *Le Fanu Sh.* Introduction / Sh. Le Fanu // *Washington Square* / H. James. – Oxford : Oxford UP, 1998. – P. VII – XXVII.
9. *Poirier R.* Confidence and “Washington Square” / R. Poirier // *Poirier R.* The Comic Sense of Henry James : A Study of the Early Novels. – N. Y. : Oxford University Press, 1960. – P. 145–182.
10. *Tanner N.* Henry James : The Writer and His Work / Tony Tanner. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1985. – 144 p.
11. *Woolf J.* Henry James: the Major Novels / J. Woolf. – Cambridge : Cambridge UP, 1991. – 165 p.

Надійшла до редколегії 20.03.2015 р.

УДК 821.111 «19»

Памяти Т. Н. Денисовой

С. А. Ватченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИСКУССТВО БЫТЬ ЧИТАТЕЛЕМ. ГЕРОЙ И ЕГО ИСТОРИЯ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

Літературні критики слушно називають пізню прозу Джеймса філософською. Безперечно, тенденційно побудований сюжет-пошук та герой, який наближається до істини, присутній у текстах «Веселого куточка», «Звіря у джунглях», «Послів». Проте витончений артистизм письменника, засвоєні ним прийоми символічного інкомовлення, змішення жанрових кодів, численні синестетичні асоціації прирікають читача на складний шлях-сходження до універсальї смислу культури, позачасових та вічних, згідно з Джеймсом. У творах пізньої манери Джеймс довіряє м'яким, реф-